

УДК 930:929 Копелев + 378.4 (477.54) (093)

**ЛЕВ ЗИНОВЬЕВИЧ КОПЕЛЕВ
И ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ**

От составителя: О Л.З. Копелеве я узнал благодаря его «Вушпертальскому проекту»¹. Этот проект не может не вызвать восхищения. И дело не только в его масштабности, но и направленности. Его суть изложил Яков Драбкин в замечательной книге «Лев Копелев и его «Вушпертальский проект»: «Получив в начале 1980-х годов постоянную работу в Бергском университете в Вушпертале, Лев Копелев обрел возможность собрать группу немецких энтузиастов широкого профиля – историков, филологов, искусствоведов, культурологов. В руководимом им университетском семинаре вскоре началось разностороннее изучение обозначенных еще Гёте (который первым в 1828 году ввел в обращение понятие «мировая литература») проблем «западно-восточных отражений». В данном случае, речь шла прежде всего о тысячелетних российско-немецких духовных, культурных, человеческих связях. Постепенно выкристаллизовывался смелый и многотрудный рабочий план, рассчитанный на годы: собрать и обобщить литературный тезаурус накопленной веками народной мудрости россиян и немцев. ... [Исследователи] поставили перед собой двустороннюю задачу: во-первых, реконструировать уходящую корнями далеко в глубь

¹ См. подробнее: Кожевникова А. М. «Вушпертальский проект» Льва Копелева: научное и общественно-политическое значение. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012.

веков историю появления у обоих народов «образа чужого», а во-вторых, обосновать осознанную в полной мере лишь в наши дни настоятельную необходимость решительного искоренения устойчивых исторических предрассудков, и особенно «образов врага». Были задуманы две параллельные серии, составляющие десяток больших, основательно документированных и щедро иллюстрированных томов «Западно-восточные отражения. Вуппертальский проект исследования под руководством Льва Копелева истории немецко-русских образов врага от истоков до XX века». Серия «А» (красная) – «Русские и Россия глазами немцев» и серия «Б» (зеленая) – «Немцы и Германия глазами русских»². Первый том был готов в 1984 г., а всего вышло 12 томов.

После того, как я ознакомился с содержанием книги о Вуппертальском проекте, мне захотелось больше узнать о его авторе, сведения о котором в моем сознании определялись всего лишь несколькими словами: «диссидент», «эмигрант», «друг Сахарова». Оказалось, что его судьба была связана с родными мне Харьковом и Харьковским университетом. В 1926 вместе с родителями он переехал в Харьков: работал разнорабочим, учеником токаря, затем стал сотрудником заводской многотиражки Харьковского паровозостроительного завода (ныне Завод имени В. А. Малышева), в 1933 г. поступил в Харьковский университет. Более того, обратившись в архив Харьковского университета я обнаружил его личное дело и узнал, что он учился на философском отделении исторического факультета! В личном деле сохранилось оригинальное фото тех лет и некоторые документы. Приложив совсем немного усилий я обнаружил в интернете воспоминания Л. З. Копелева, где идет речь, в том числе, и о харьковском периоде жизни. Они были совсем недавно переизданы в Харькове благодаря инициативе Харьковской правозащитной группы и при поддержке представительства Фонда Генриха Бёлля в Украине³. Важно отметить, что в конце указанной книги Е. Захаров опубликовал некоторые документы (протокол допроса двоюродного брата Копелева М. С. Поляка и «Дело о

² Драбкин Я. О Копелеве в жизни и творчестве // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» /под ред. Я. С. Драбкина. – М. : Памятники исторической мысли, 2002. – С. 63–64.

³ Копелев Л.З. И сотворил себе кумира / Харьковская правозащитная группа. Харьков: Права людини, 2010. – 482 с. Доступ: <http://library.khpg.org/files/docs/1336072969.pdf>

контрреволюционной троцкистской группе в редакции газеты «Харьковский тепловозник»)). Тогда я поймал себя на мысли, что мне хочется сопоставить данные документов и воспоминаний, что я и сделал. К чести Льва Зиновьевича воспоминания «не грешили против истины», но, в известной мере, воспоминания и документы дополняют друг друга, а в своей совокупности позволяют увидеть больше нюансов, подробностей, понять хитросплетения многих процессов. Именно после этого я решил сделать нечто подобное и с университетской страницей жизни Л. З. Копелева. Ниже приводятся выдержки из воспоминаний об университете⁴, а также документы⁵. Надеемся, что тем самым не только появится возможность «сравнить» и «дополнить» информацию, но и состоится возвращение в историю университета одного из его бывших студентов.

Из воспоминаний Л. З. Копелева⁶

Глава 10. Конец юности

Философский, исторический и литературный факультеты¹ Харьковского университета после 1933 года разместили в здании², из которого выехало ГПУ-НКВД. В подвалах оставались еще решетки на окнах и железные двери с волчками. Там, в бывших камерах, мы устроили типографию – наборный цех, печатный, склад бумаги. Редакция заняла большую сводчатую полутемную камеру, где и днем приходилось зажигать свет. Уже в первом семестре меня назначили ответственным секретарем. Редактором был доцент-физик, член университетского партбюро³. Он преподавал, писал научные работы, недавно женился на красивой студентке, и поэтому был постоянно занят множеством внередакционных дел; явными заботами о здоровье жены и плохо скрываемой ревнивой тревогой. Тем больше приходилось работать мне. На заводе мы привыкли к штурмам и авралам ежедневной газеты, а листовки для танкового

⁴ Впервые книга «И сотворил себе кумира...» была опубликована в 1978 г. в США в издательстве «Ардис».

⁵ Благодарю за помощь в поиске документов директора университетского архива Л.И. Онацкую.

⁶ Выдержки из воспоминаний взяты из указанной кн.: Копелев Л.З. И сотворил себе кумира / Харьковская правозащитная группа. Харьков: Права людини, 2010. – С. 312-325, 329-331, 333-339.

отдела и строителей выпускали не менее десятка в сутки. И работа в еженедельной университетской многотиражке⁴ казалась поначалу просто развлечением. Авторы – студенты и преподаватели – были куда грамотнее заводских. Их статьи и заметки приходилось только сокращать. Проблемы возникали главным образом из-за соперничества факультетов. Физики и математики традиционно презирали краснобаев-гуманитариев. Они, а также химики, биологи и географы занимались в старом здании на Университетской горке⁵, куда мы ездили трамваем, и воспринимали их как беспокойных туземцев другого континента.

Иногда с утра, перед лекциями, почти в каждую перемену и обязательно после занятий я приходил в подвал верстать, держать корректуру, собирать очередной номер.

Прохладный, сыроватый сумрак бывшей камеры случалось возбуждал тревожные мысли: кто здесь сидел? Не отсюда ли уводили расстреливать?.. Я пытался представить себе, какие они, эти шпионы, петлюровские, белогвардейские заговорщики, фашистские агенты... Почему-то считалось, что оппозиционеров и спец-вредителей держат не в подвальных, а в „верхних“ камерах, вроде той, в какой побывал и я в 1929 г. О пытках, избиениях я не думал. Это было немыслимо. [...]

Нет, я не поддавался сомнениям и колебаниям. И добросовестно редактировал и сам сочинял статьи, репортажи, заметки о борьбе против вражеской идеологии и философии, в политэкономии, в истории; обличал „меньшевиствующий идеализм“ Деборина, „механическую метафизику“ Бухарина, „ползучий эмпиризм“ Сарабьянова, примиренчество к „субъективистской“ теории относительности Эйнштейна и т.д. и т.п.

Думал ли я о том, насколько справедливы были эти грозные обличения? Если иногда и задумывался, то бесплодно. [...]

В годы войны и потом в тюрьме я рассуждал менее примитивно и менее цинично, чем в пору юношеского радикализма. Но понадобилось еще не меньше двух десятилетий, прежде чем я стал различать понятия *искренность* и *нравственность*. Искренним бывает и злодей-фанатик, когда его слова и поступки соответствуют

его убеждениям. А нравственен лишь тот, кто постоянно сверяет свои убеждения с жизнью, с тем, куда ведут слова и поступки, определяемые его убеждениями (Достоевский). И еще позднее начал я сознавать, что „нравственность человека лучше всего выражается в его отношении к слову“ (Лев Толстой). „Убийство правдивого слова... было одним из самых черных злодейств, совершаемых десятилетиями“ (Лидия Чуковская).

Поднимаясь из редакционно-типографского подвала наверх, я окунался в океан знаний. На лекциях и семинарах старался ничего не упустить. Записывал все возможно подробнее. Читал все, что было обязательным, все, что преподаватели называли „факультативным“, не обязательным, выискивал и такие книги, которые вовсе не называли. И, разумеется, хвастался каждым подобным „встречным планом“.

Профессор философии В. Чемоданов⁶ (брат московского лингвиста) доказывал, что Фалес, Демокрит и Аристотель – прямые предшественники марксистского материализма, что Спиноза был чистейшей воды материалистом и атеистом, а Гегель стал по-настоящему велик и гениален лишь после того, что Маркс и Энгельс перевернули его диалектику „с головы на ноги“. Тогда как без этого он повинен во многих грехах, и Ленин справедливо писал на полях его сочинений: „врет, идеалистическая сволочь!“.

Профессор математики Воробьев⁷ так понятно и увлекательно объяснял нам основы аналитической геометрии, дифференциального исчисления, интегрирования и теории вероятности, что мы прощали ему явно примиренческое отношение не только к старинным идеалистам Декарту, Ньютону, Лейбницу, но и к „неисправимому махисту“ Эйнштейну.

Политэкономия читал маленький подслеповатый лысый профессор⁸, страстно влюбленный в „Капитал“. Он говорил о нем вдохновенно и косноязычно, как говорят о женщине или о стихах. Меня он заразил этой влюбленностью. До глубокой ночи, не уставая, читал я и конспектировал; старался уследить за каждым движением властных мыслей, то плавно растекающихся до необозримой широты, то стремительно порывистых, круто поворачивающих

молнийними зигзагами, то нагромождающих утомительные подробности, сложные умозрения, то вспыхивающих поэтической метафорой, шуткой или врастающих в зримо пластический образ. Главу о первоначальном накоплении читал и впрямь, как поэму.

Профессор истории, пожилая не улыбочивая „парт-тетя“, говорила не столько о событиях и фактах, сколько о различных порочных концепциях и теориях. В лекциях по античной истории она прежде всего изобличала всяческие буржуазные, фашистские и „социал-фашистские“ толкования, опровергала зловредного Каутского, который представлял раннее христианство источником социалистических и коммунистических идей.

Русскую историю мы учили, „прорабатывая“ ошибочные суждения Плеханова, а позднее и Покровского, которого на предшествовавшей экзаменационной сессии полагали главным марксистским историком. И особенно яростно проклинали украинских „буржуазных националистов“ – Грушевского, Яворского, Ефремова.

Семинар по истории вела молодая ассистентка, которую мы прозвали „бешеной“. Она с неподдельной личной ненавистью поносила Мирабо, жирондистов, глубоко презирала оппортунистов Дантона и Демулена, снисходительно жалела Робеспьера и его сторонников, „ограниченных мелкобуржуазностью“ и пылко восторгалась геберистами, бешеными и, конечно, Бабефом.

Лекции по литературе мы слушали на литфаке. Александр Иванович Белецкий⁹ был первым, кто объяснил мне, что вторая часть „Фауста“ – не рифмованная образованность, а великолепная поэзия. Его лекции учили снова и снова перечитывать „Фауста“ и стихи Гете, каждый раз находя в них все новые неожиданные клады.

Языковед профессор Булаховский¹⁰ насмешливо зло полемизировал с Марром, который тогда считался основателем и лидером марксистской лингвистики. Но рассуждения Булаховского были и понятнее и интересней, чем тягостно вязкие статьи Марра – иные оказывались для меня почти непролазными. Я старался критически воспринимать подозрительные по идеализму уроки

Булаховского, но покоряли его знания, остроумие, изящная точность мыслей. К тому же тогда казалось, что в языковедении не может быть серьезных политических уклонов.

Именно поэтому два года спустя в Москве я поступил уже в институт иностранных языков, надеясь, что, познавая языки и словесность других народов, буду полезен стране и мировой революции, без таких сделок с совестью, которые стали неизбежны для тех, кто занимался философией, политэкономией, новейшей историей, – особенно отечественной, – и журналистикой.

Но еще за год до этого решения, которое мне представлялось трагически смиренным отказом от юношеской мечты о революционной политической деятельности, я хотел изучать прежде всего философию, историю, политэкономия – т.е. приобретать знания, необходимые для участника (а, может быть, и одного из руководителей) грядущих войн и революций.

Впрочем, новую стоическую решимость облегчила давняя любовь к Шиллеру, Гете, Гейне, Байрону, Диккенсу, Гюго, Твену и многим другим зарубежным поэтам и писателям. Мне не приходилось заставлять себя; корни этой науки никогда не казались мне горькими.

Летом 1934 года все военнообязанные студенты нашего курса стали на три месяца красноармейцами-бойцами 337-го стрелкового полка 80-й донбасской дивизии и проходили сбор в палаточном лагере на крутом берегу Азовского моря вблизи Мариуполя.

С не меньшим рвением, чем „Капитал“, изучал я винтовку и пулемет, зубрил уставы. И тайно завидовал товарищам, которые быстрее меня бегали, дальше бросали гранату, лучше „работали“ на спортивных снарядах, метче стреляли... [...]

В то лето я очень старался быть хорошим бойцом и очень хотел стать хорошим командиром. Ежедневно выкладывался на спортивной площадке; скрывал хвори и к концу лагерного сбора получил значок „Ворошиловского стрелка“ и звание помкомвзвода – три треугольника в петлицах.

Но, вернувшись в Харьков, опять свалился с тяжелым приступом колихолицистита. И опять болезнь помогла образованию. За несколько недель в постели я законспектировал два тома „Капитала“, „Малую логику“ Гегеля, зубрил математику, физику; выздоровев, сдал все сессии за второй курс и перескочил сразу на третий.

...Шла партийная чистка¹¹. Ежедневно в самой большой аудитории старого здания заседала комиссия. Каждый желающий мог придти, задавать вопросы, высказывать свое мнение о том, кто проходил чистку. Комиссия оглашала те письменные заявления, иногда и анонимные, которые считала нужным проверить публично. Большую часть нашей газеты стали занимать отчеты о ходе чистки и заметки о разоблаченных перерожденцах, обманщиках, скрывавших свое происхождение или былые грехи, очерки о достойных коммунистах, чьи заслуги и добродетели были подтверждены проверкой.

Когда чистили нашего редактора, он стоял на трибуне, смущенный, растерянный, а ему из зала задавали вопросы о неправильно поставленных отметках, о квартирной склоке, о каком-то родственнике – нэпмане. Потом вышел к трибуне сотрудник редакции городской газеты, который стал рассказывать, что наш редактор писал „политически ошибочные статьи“, восхваляя каких-то недавно разоблаченных физиков-идеалистов и даже вовсе буржуазных, иностранных ученых.

Тогда и я попросил слова и стал защищать идеологическое целомудрие нашего редактора, доказывал, что его обвинитель злонамеренно искажает факты, выдает за восхваление простую информацию о зарубежных научных работах, своей демагогической болтовней о бдительности проповедует невежество...

На следующий день в редакционный подвал вошел некто в темносинем френче и сапогах, пожилой, уныло серьезный, то ли партработник районного масштаба, то ли преподаватель истории партии.

Он положил на стол несколько листов бумаги, исписанных крупным почерком с завитушками. (Одно время я увлекался

графологией и считал, что такие завитушки свидетельствуют о тщеславии, самодовольстве, умственной ограниченности.)

– Это надо передовой в следующий номер.

– Передовые у нас пишет ответственный редактор, а следующий номер уже в машине.

– Ваш редактор еще не прошел чистку. Хотя у него и очень языкастые защитники, но комиссия еще не приняла решения. А этот материал нужно давать немедленно. Так что машину придержите.

Листки были заполнены стандартными фразами о партийности, бдительности, о благотворных последствиях чистки, призывами повышать, углублять, усиливать... Подпись – Блудов¹² – мне ничего не говорила.

– Не вижу причин, чтобы останавливать машину, задерживать номер. В нем серьезные конкретные материалы о чистке, а тут одни общие фразы.

– Вы слишком много себе позволяете. Это партийные установки, а не фразы. А вы – наглый мальчишка, вы еще не знаете, с кем дело имеете, сопляк!

– Нет, знаю с кем. С набитым дураком... И в полумраке было заметно, как взблеснули его тусклые маленькие глаза. Взблеснули злобно и удивленно.

– Ах, вы так разговариваете?! Ну вы еще пожалеете, очень пожалеете!

Он сунул листы в карман и ушел.

На следующий день я узнал, что это был новый ректор университета. Прежнего уже вычистили¹³. Друзья из университетского комитета комсомола советовали мне пойти извиниться, либо даже лучше написать письмо: „Простите, не знал, закрутился, расписуховался“... Но я не хотел. Ведь он первый начал ругаться. И спор был не идеологический, не политический. Обыкновенная свара, как в трамвае, и к тому же наедине.

Наш редактор благополучно прошел чистку. И вскоре докладывал новому ректору о газете. Тот ничего ему не сказал о стычке со мной. Дал ту же самую статью. И она, разумеется, была напечатана. Мы сочли, что „инцидент исперчен“.

Шли последние ноябрьские дни 1934 года.

Холодный сумрак нашего подвала стал мне привычен. Случалось, я назначал там свидания девушкам. Иные пугались:

– Ой, неужели тебе здесь не бывает страшно? А если бы двери запереть? Я бы, наверно, с ума сошла, если бы тут одна осталась.

Такие испуги – и настоящие и тем более нарочитые – приятно ускоряли и усиливали близость.

Кто мог бы тогда предсказать, что холодное дыхание тюрьмы, которое я впервые ощутил весной 29-го года и так бездумно воспринимал в подвале университета, просквозит через все последующие годы, то неслышно, гнилостно расплзаясь моровой язвой, то взывая в удушливых смерчах, круша, губя, испепеляя миллионы жизней, что это мертво-холодное дыхание нагонит меня уже на фронте, за Вислой, и скует на много лет¹⁴. [...]

Прошло несколько дней и я услышал, что арестован мой двоюродный брат Марк¹⁵.

Меня вызвали прямо в райком комсомола. Парторг факультета Кубланов¹⁶ и комсорг курса Антоновский говорили, что я – не разоружившийся троцкист, поддерживавший подпольные связи со своим двоюродным братом и с „троцкистскими центрами“ на паровозном заводе и на других факультетах университета. Они называли множество фамилий. Некоторые из них мне были знакомы по газетам – из корреспонденции о разоблаченных двурушниках, – но большинство совсем не известны.

Секретарь райкома спрашивал Кубланова и Антоновского: – А кто его дружки-приятели на факультете? Ага, это вы еще не установили? Про внешние связи вам, конечно, другие сигнализировали, а вы сами, значит, только ушами хлопали. Он же у вас отличник считается.

Через курс прыгал¹⁷. В редакцию многотиражки пролез. А кто ему помогал из членов комитета? Из преподавательского состава? Там же у вас наверняка целое гнездо. А он еще тут в райкоме, слышите, как доказывает за свою сознательность, что он всей душой, значит, за генеральную линию. Вроде мы не знаем, как все они, такие, значит, умеют говорить и писать за Советскую власть. Даешь! Ура! А делать, значит, совсем наоборот, тихой сапой. Самое нахальное двурушничество.

Он даже не спросил, хочет ли кто-нибудь из членов бюро райкома высказаться. Заседали уже несколько часов. В тот день рассматривали десятки персональных дел; главным образом исключали. В кабинете секретаря было душно. Тускло желтый свет люстры со стеклянной бахромой расплывался в сизом табачном дыму. Все сидели усталые, осовелые, сонные. Непрерывно курили. Секретарь тоже явно устал. Он смотрел на меня без неприязни и гнева, с безнадежным и словно брезгливым равнодушием. А ведь мы были давно знакомы. Раньше он работал на ХПЗ, был секретарем цеховой ячейки, членом заводского комитета, приходил к нам в редакцию. Однажды после субботника на строительстве Тракторного он и еще кто-то притащили в котлован водки, луку и соевых пряников. Мы все выпили. Обратно шли с песнями, с частушками. Запевали попеременно то он, то я. После этого вечера мы встречались как приятели. Когда он стал секретарем райкома и пришел на собрание в университет, то окликнул меня по-свойски: „Здорово, паровозник! Значит, в науку подался? Грызешь гранит? Философ? Это хорошее дело. Значит, держи комсомольский паровозный курс в философии. А кто тут еще из наших есть?“

Но теперь, когда я пытался возражать на абсурдные, лживые обвинения, он оборвал:

– Хватит, наговорился. Все ясно. Мы вам не верим, и верить не будем. Значит, одно мнение – исключить. И еще добавить пункт, что, значит, не место в университете. И еще: отметить притупление бдительности факультетской организации. И пункт на дальнейшее: чтобы, значит, проверили связи. Кто ему подсоблял, на кого он мог влиять. А также сообщить в организацию паровозного завода, где его принимали. Кто за? Против нет? Воздержавшихся тоже.

И я вышел на вечернюю зимнюю улицу. Одинокий в многолюдной толчее. Встречавшие и обгонявшие разговаривали, смеялись. За освещенными окнами – розовыми, желтыми, разноцветными – в трамваях, в автобусах – всюду люди, занятые своими делами, бедами, радостями. Они близко, но никому нет до меня дела...

Подумал, что, вероятно, так должен чувствовать мнимый покойник, оцепеневший в летаргическом сне. Вокруг жизнь. Друзья, родные, знакомые. Хлопочут. Живут. А его несут в могилу и никто не может помешать...

Через несколько дней вернулась из Киева Надя¹⁸. Как отнесутся на ее химическом факультете к моему исключению? Я знал, что она ни за что не отступится от меня. Но она не умела ни отругиваться, ни лавировать-дипломатничать. И совершенно не умела говорить неправду. Что, если и там есть наглые демагоги, вроде Кубланова?

К счастью, Надя не была комсомолкой и на химфаке не нашлось особенно бдительных активистов. Ее не тронули. Зато неожиданно возникло „дело“ у моего брата Сани. Он учился в химико-технологическом институте на втором курсе. Недавно стал комсомольцем. Сосед и приятель наших родителей Иван Иванович Плисе, сын сельского кузнеца, в юности был членом боевой организации боротьбистов; после 1905 года попал на каторгу; в 17-м году стал большевиком, комиссарил в Красной Армии; одно время был заместителем наркома сельского хозяйства Украины. В ту зиму он работал где-то в России, но семья еще оставалась в Харькове. Иван Иванович, его жена – тоже член партии, и сын – школьник очень хорошо относились к Сане. Их книжный шкаф стал главным источником его политического образования. Саня нашел там и сборник „За ленинизм против троцкизма“, изданный в 1924 году, составленный из статей Зиновьева, Каменева и Сталина, дружно поносивших Троцкого – автора „Уроков Октября“, как меньшевика, отступника, врага ленинизма и т.д. Эту книгу у Сани выпросил на одну ночь секретарь его комсомольской ячейки. То ли ее заметил кто-то из бдительных соседей в общежитии, то ли сам секретарь поспешил отличиться, но доброжелатель из комитета предупредил Саню, что на него заведено персональное дело о распространении

троцкистско-зиновьевской литературы и что его обязательно будут спрашивать, у кого он достал эту книгу. [...]

На следующее утро после заседания райкома, на котором меня исключили, в университете был вывешен приказ ректора: „исключить из состава студентов как неразоружившегося троцкиста“.

Я позвонил в заводскую редакцию. Петя Грубник¹⁹ говорил нервно:

– Исключили, говоришь? И ты уверен, что неправильно? А про Фрида²⁰ уже знаешь? И про этих, Рубижановича²¹ и Раева²², тоже? Ты же с ними дружил. Что значит „все дружили“? Каждый должен отвечать за себя. Я уже свои ошибки признал. Потерял бдительность, как шляпа. Верил Фриду и его друзьям. И тебе верил. Я же тебе рекомендацию в партию давал и характеристику подписывал. А тебя вот исключили из комсомола. Я не отрицаю, что верил. Если надо, дисциплинированно приму кару. Умел воровать – умей и ответ держать. А сейчас ты чего хочешь? Чтоб я опять за тебя писал? Ручался, да? Ну и что ж, что знаю? Если спросят, скажу, что знаю. Я и про Фрида и про Дуську знаю, я им тоже давал характеристики. Вот и получил строгача с занесением. А теперь еще и за тебя отвечать? Нет, ты скажи, что бы ты на моем месте делал? Скажи честно! Не знаешь? Ну, вот, и я не знаю. Пиши заявление в комсомольскую организацию. Пусть коллектив решает, какую тебе давать новую характеристику по случаю исключения. Или в партком напиши. От нас ты уже больше года, как ушел. А что ты это время делал, лучше знают те, кто тебя исключал.

Секретаря парткома Василевского, того самого, кто в 32-м году уговаривал Фрида перейти из цеха в редакцию, мы недолюбливали. Считали его типичным аппаратчиком – смекалистым, деловитым демагогом и карьеристом, готовым на любые сделки с совестью. Обращаться к нему было бесполезно. К Трусову я не хотел идти; он только что исключил Дуса и Леву, обрек их на арест. И я опять позвонил в заводское ГПУ, Александрову. Он говорил, как всегда, приветливо, спокойно, хотя в иных словах слышались новые, жесткие интонации.

– Чего же ты раньше не звонил, пока еще дело в райком не пошло? Вот как, значит, миновали ячейку. Поспешные там у вас товарищи. На устав не смотрят. И уже из университета наладили? А насчет здешних дел знаешь? Да, это ведь ты Малиновскому про голодовку позвонил? Что значит, не понимаешь ареста?! Решали, конечно, не мы. А те, кто его знает не хуже, чем ты, да я, а много лучше. Мы дали объективную характеристику. Но высшие органы расценили голодовку, как провокацию. Да ты не ахай, не ахай. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ты уже не пацан и не барышня с ахами да охами. Все, что ты можешь сказать, называется субъективная точка зрения. Субъективно он, может быть, тебе кажется честнее самых честных; душой и телом за Советскую власть и хотел доказать, как лучше. Но объективно получилась антипартийная провокация. А при его прошлом – вдвойне вредная, даже опасная. В Гражданскую войну бывали такие, например, факты и в армии, и у нас в Чека: свой парень, крепкий большевик, лично честный, даже геройский, субъективно хотел, как лучше, а вышло наоборот – упустил вражину или гробанул своих. И его к стенке. Безо всякого. Невзирая ни на старые заслуги, ни на хорошие намерения. Вот так и теперь. По всей стране боевая тревога. А эти дружки Фрида вообразили себя умнее партии, умнее органов. И что делают? Лезут защищать оппозиционера, арестованного за антисоветскую провокацию. Как это можно расценивать? У тебя же у самого в прошлом пятно есть... Ну и что ж, что пацаном был? Другие пацаны злее стариков. И родича у тебя опять посадили. Так чего же ты хочешь? Чтоб за тебя заводская организация заступилась или ты, наоборот, за этих заступаться будешь? Ты слыхал, как они себя вели на собрании?..

Он спрашивал не слишком настойчиво, без подозрительного недоверия и „поддавливания“. Отвечая, я говорил о Фриде, о Дусе, о Леве только хорошее. И старался говорить возможно более достоверно, убедительно. Напоминал о необычайной доброте Фрида, о его бескорыстии, скромности, о том, как он подбирал беспризорных детей; снова и снова повторял, что он – человек, не способный соврать, беспредельно искренний. Для вящей объективности несколько свысока говорил о его чудачествах, как он теряется в обществе женщин, не выносит матерной брани. О Дусе и Леве я сказал, что совершенно уверен: они – хорошие, честные

парни, только политически неграмотные, интересуются главным образом футболом, девушками, выпивкой. А Фрида они просто очень уважали, как старшего товарища и жалели, как доброго чудака.

Сначала мне даже показалось, что Александров слушает сочувственно. И я стал как бы подсказывать ему возможные защитные аргументы. Предложил, что сам все это напишу подробно. Он прервал резко:

– Этого еще недоставало: твоей писанины. Ты радуйся, что нам все доподлинно известно. И тебя не спрашивают. Дело на все сто процентов ясное. Не то, могли бы и еще кой-кого привлечь. А ты ведь с ними компанию водил. И ты же не только футболом интересуешься. Ты должен за собой особенно строго следить. Мы тебя знаем. Но университетские товарищи, видишь, как лихо распорядились. И это безо всякого конкретного дела. А ты сообразил, что может быть, если полезешь в адвокаты? Ты что, газет не читаешь? Совсем заучился?

...И я испугался. Начал „отстраняться“ – сказал, что уже почти два года не встречался с ними, что единственная встреча за последние месяцы была, когда они рассказали мне о голодовке и я сразу же стал звонить ему. Говорил, что из-за напряженной учебы – я ведь перешел с первого курса сразу на третий, – и общественной работы, – я ведь почти что один делал еженедельную университетскую многотиражку, – и из-за болезней, я вообще отдалился от всех старых заводских товарищей... Все это тоже было правдой „в общем“. Но я старательно подчеркивал выгодную для меня правду.

Александров, должно быть, услышал мой испуг.

– На тебя у нас компромата нет. Это я, как раз, точно знаю. Был разговор в связи с этим делом. Но ты имей ввиду: „кто прошлое помянет, тому глаз вон. А кто забудет, тому оба долгой!“ Твое комсомольское дело сейчас пойдет в горком. Ты напиши им, чтобы запросили завод – организацию, которая тебя в комсомол принимала и на учебу послала. Я поговорю в парткоме, как член бюро. У нас без вины виноватых не должно быть. Это не по-советски. Но только ты сам будь аккуратней с разговорчиками. А то язык и дальше Киева довести может.

И я последовал его совету.

В горьком комсомола мое дело не рассматривали, но завод запросили и потом все материалы передали в бюро обкома. Меня вызвали на заседание. Все было совсем по-иному, чем в райкоме. Неторопливо. Спокойно. Секретарь обкома Гриша Железный доложил коротко, что парткомитет и комитет комсомола паровозного завода „характеризуют положительно“. Вот пишут „активно боролся на идеологическом фронте, также и с троцкизмом и с правым уклоном. Хорошо проявил себя в трудных условиях, в прорывах и на селе...“

Исключение отменили. Но вынесли мне выговор за притупление политической бдительности. Ведь мой двоюродный брат был арестован, а я, хотя раньше его знал, как троцкиста, проглядел его деятельность в последние годы.

Ректор, не напоминая о нашей первой встрече, отказался восстановить меня в университете. Сослался на выговор и на то, что не сдана сессия, которая проходила как раз в те дни, когда я был исключен.

Пришлось апеллировать в Наркомпрос Украины и для этого поехать в Киев.

До середины мая я жил в Киеве, то у родственников, то у друзей, больше всего у Олеси С. Еще в школе Олесю, лихую спортсменку, прозвали „девка-бек“. В нее попеременно были влюблены два моих друга, некоторое время и я. Ее отец Иван Федотович С.²³ до революции был подпольщиком, политкаторжанином, в Гражданскую войну членом ревкома, армейским комиссаром. Потом бывал секретарем разных горкомов и окружкомов. В 1934 году стал Наркомсобес. Все друзья Олеси его почитали. Ко мне он всегда относился хорошо: ему нравилось, что я увлеченно изучал политграмоту, историю, старался побольше узнавать о событиях и людях революции и гражданской войны. И все это не для зачетов, а для себя. Я рассказал Ивану Федотовичу о своих злключениях. Он задал несколько вопросов, поглаживая серо-седые запорожские усы – „подковой“.

– Добре. Я тебе помогу. Только потерпи. И сам никуда не суйся.

Он был приятелем Наркомпроса Затонского²⁴ и уполномоченного НКВД-ОГПУ по Украине Балицкого²⁵.

Мне оставалось только ждать, пока он находил „подходящие условия“, чтобы поговорить, а потом, чтобы напомнить. (Весной 1935 года отношения между старыми партийными товарищами, которые стали сановниками, наркомами, были уже достаточно усложнены престижными, номенклатурными соображениями, оглядками на внутривнутрипартийные союзы и конфликты).

Иван Федотович в конце концов добился: наркомпрос отменил мое исключение из университета. Помог он и Сане, его восстановил ЦК Комсомола Украины.

Подробно рассказывал я ему также о Фриде, Дусе и Леве; просил совета и помощи.

Но он возразил хмуро.

– Допускаю, что они – хорошие хлопцы. И этот твой Илья Фрид, что называется – щирая душа. Но очень уж мягкий у него характер. Христосик. А политическая борьба – жестокое дело. Его голодовка – вредная глупость. За такое панькаться не будут. И нельзя панькаться. Те хлопцы, которые за него против целой организации уперлись, может, даже еще вредней. В оппозицию играть вздумали. В такое время. Вот ты вчера за чаем нам докладывал про саарский плебисцит. Какой богатый край Гитлеру достался. И варшавские паны с ним уже дружки-приятели. И румыны, и прибалты в ту же сторону гнутся. А у нас тут черт-те-шо делается. Выстрел в Кирова – грозный сигнал. Очень грозный. Для нас оппозиции всегда поганое дело были. Ты же сам покоштувал того меду. Должен понимать. Теперь любая оппозиция – уже прямая контрреволюция! Никакой снисходительности быть не может. У Сталина крутой нрав. Но сейчас необходим именно такой вождь. Прекраснодушные слюнтяи, добренькие болтуны могут привести только к поражениям, к страшной катастрофе... Ты говоришь: эти хлопцы хотели хорошего, чтоб все по-честному. Один заграничный мудрец, – забыл я его

прозвище, – сказал „благими намерениями вымощена дорога в пекло“. Вот они и вымостили себе дорожку в ДОПР. Мой совет и наказ тебе – не путайся в ихние дела. Дружба дружбой, но партия нам дороже всех друзей. Я взялся тебе помогать не за твои карие очи, а потому что знаю: ты дельный комсомолец, полезный партии и Советской державе. А если б ты такие же дурацкие штуки или вроде выкаблучивать стал, если б тебя за дело притянули, я бы и мизинцем не поддержал. А, может, и сам бы дал хорошего тумака. Кто бы там ни был, хоть брат, хоть сват, хоть мои дорогие дочки, – если пойдет против партии, – и знать не хочу.

В мае Сталин произнес речь о том, что „люди – самый ценный капитал“... что необходима чуткость и забота о человеке.

Вернувшись в Харьков, я узнал, что Марк Поляк и Фрид осуждены на пять лет лагерей каждый, а Дус и Лева – на три года.

В университете я на занятия не ходил, оформил восстановление, сдал сессию за третий курс и отчислился.

Отца перевели на работу в Москву и мы с Надей решили ехать с ним.

Марк погиб на Колыме. Фрид погиб на Воркуте. Иван Федотович, Затонский и Балицкий были арестованы и погибли в 37-м году.

Документи

Заява-анкета

Прошу прийняти мене на І²⁶ курс *філософського*²⁷ факультету ХДУ.
Про себе подаю такі відомості:

1. Прізвище *Копелев ім'я Лев* по-батькові *Зіновєвич*
2. Дата народження *1912 р. 9/IV* 3. Стать *чол.* 4. Національність *єврей*

5. Сімейний стан *жонатий* 6. Кільк. утриманц. – 7. Місце народження

м. Київ

8. Партийність *ЛКСМУ № кв. 33385179.* Профспілка *ВСРТМ № 503680*

10. Родина вступаючого (підкреслити): з спеціалістів²⁸

11. Соц. походження (основне заняття батьків до революції й тепер):

Батько був і є, так до революції як і після як і тепер агроном (див. труд список, що дадається)

12. Чи мають виборчі права: сам *так* батьки *також*

13. Що робив (чи робить) до вступу: *зав. партсельсектор р-ції ХПЗ*

14. Загальний труд, стаж *6 р.* 15. Стаж за основн. фахом *5 р.*

16. Освіта (підкреслити): *Школа II ступеня*

17. Скільки років, де вчився, що закінчив: *3 1923 – 27 р., в семирічці в Києві у стш №6 до 1926 р. й закінчив у Харкові 1927 р.*

22. Громадська і політична робота: *На заводі вів комсомольські школи в Т-2 й в сталеливарному цехах. Член літстудії.*

23. Додаткові відомості: *Госпитальная ул. д. № 20, кв. 4²⁹.*

25. Наведені в анкеті відомості стверджується *Редактор «Харк. Паровозн.» А. Фрейдензон³⁰ [подпись и печать]*

4 / VIII 1933 р.

26. до цього додаю такі документи (зазначити назву та №№ документів)

1. Довідку від редакції про надіслання на учебу³¹

2. Рекомендацію від редакції

3. Довідку про освіту

4. Тимчасову довідку замість трудсписка

5. Довідку про належність батька до ІТС

6. Трудсписк батька

7. Рекомендація від ЗК ЛКСМУ ХПЗ

8. - || - від трикутника 1-ої ХРК 6 б.т. (будплощадка)

9. Довідка про щеплення

А разом 9 документів

Підпис

28. Бали вступних іспитів

Математика (письмово) доб.³²

Мова (письмово) доб.

Мова (усна) доб.

Фізика доб.

Хемія доб.

Соцек доб.

29. Постанова прийм. комісії Філ. фак. [підпис] 14 / IX 33

(Архів ХНУ імени В.Н. Каразіна. Ф. 1. Оп. 5: личные дела студентов стационара за 1929–1936 гг. поступления; окончивших ХГУ и не окончивших. Д. 498: Копелев Лев Зиновьевич. Л.1)

Протокол №

Засідання пленуму Комітету комсомолу від 3/ХІ – 1934 р.³³

Порядок денний

1. Справа аспірантської комсомольської групи літфаку
2. Справа комсомольця Демури (геофак)
3. Справа комсомольця Ясько (фізмат)

Слухали: 1. Справа аспірантської комсомольської групи літфаку.

Красильник (комсорг аспірант. групи літфаку). Постанова ХМПК розбудила і дала змогу нам виявити всі недоліки в нашій роботі і засміченість націоналістичними контрреволюційними елементами. На літфаці працював бурж. націоналіст Коряк³⁴, Парадиський³⁵, Наконечний³⁶, Булаховський (великодерж. шовініст), Розенберг³⁷ націоналістично трактує всі моменти в літературі. [...] Ми притупили класову пильність і цього всього не помітили. Аспіранти Шаховський, Курашова, Павлій, Сінько, Тарапата і інш. працювали з Коряком і не намагалися викрити Коряка. Сигналізували тільки питаннями про академроботу аспірантів. Курашова говорила, що Коряк сприяє тому, щоб вона не працювала в ХДУ, але це не є боротьбою з націоналізмом. [...] Курашова хоч і вела боротьбу, але

не зовсім принципово, не довела її до кінця, тому їй винесли догану. Курашова. З резолюцією групи не погоджується. Вважає, що резолюція невірно дає політичну оцінку ряду принципових питань. Вважає, що треба шукати коріння глибше, а саме в блоці націонал-опортуністичної групи аспірантів..., що прийшли з Інституту Шевченка із націоналістично-контрревол. професурою. Пропонує свою резолюцію. Заявляє, що вона ставила питання перед партбюро про націоналістичні програми, але партбюро поставилось до націоналістів по примиренському.

[...]

Дебати:

[...]

Копелев: Група аспірантів, що прийшла з Інституту Шевченка, маючи досвід націоналістичних помилок, не врахували цього і пішли по лінії зрощування з класовим ворогом. Комгрупа правильно в основному поставилася до цієї групи, але деякі товариші недостатньо критикували себе. Курашова протиставляє себе групі і комсорганізації в цілому. Курашова має заслугу, сигналізувала про націоналістичну небезпеку, вона правильно розкривала Блюміну. Але тепер вона намагається виступити як єдиний носій класової пильності серед організації, яка спить. Це спроба зняти з себе відповідальність за все, що робилося на факультеті, це спроба перестрахувати себе.

[...]

Копелев пропонує виключити Шаховського, але це відхиляють.

[...]

Слухали: 2. Справа комсомольця Демури (геофак).

Демура признався, що він син куркуля, проліз до університету.

Ухвалили: Виключити з комсомолу.

Слухали: 3. Справа комсомольця Ясько (фізмат). Одержали матеріали, що він син розкуркуленого і висланого. Ясько приховує своє соціальне походження. КСМ організація ухвалила виключити з комсомолу і поставити питання про виключення з університету. Довідки про соцстан спочатку не дав, потім приніс, але вони різні: в одній батько – бідняк, в другій – середняк.

Ясько – Батько селянин-середняк. Куркулем не був, виборних прав не позбавлений. До 1930 р. середняк. З 1930 р. член колгоспу. Зараз працює в МТС – Андріїванівський район Одеська область.

Ухвалили: Відкласти до 14/XI ц.р. Вияснити про дійсне соцпоходження батька.

(Там же. Л. 6–15 об.)

Рапорт

Ректору ХДУ

Прошу В/ розпорядження про виключення студ. 3-го к. філ. відділу Копелева Л. З. як троцькіста, виключеного Ф.К. КСМ із лав.

Пом. декана Істфаку ХДУ [підпис нерозбірливо]

16/II-35 р.

[Резолюція] Повідомити т. Чепігу³⁸, що вже виключено. [підпис нерозбірливо]

17.II.35

(Там же. Л. 16)

Службова записка

Народний комісар
соціального забезпечення
УСРР

31.V.35 р.

Здоров, т. Нефоросний!

Вважаю, що ви зробили помилку з студ. Копелевим

Надсилаю копію свого листа до В.П.³⁹

Мені здається, що постанову чи наказ треба переглянути Вітаю.

З Ком. привітом.

[Підпис] Ів. Слинько

(Там же. Л. 19)

Довідка

Ленінська комуністична спілка молоді України
Харківський обласний комітет ЛКСМУ
29/III-35 № 42-Б-38

Копія

Про тов. КОПЕЛЕВА

Враховуючи, що тов. КОПЕЛЕВ не скривав своєї належності в 1929 році до троцькістів, а також за час перебування в лавах ЛКСМУ вів боротьбу з троцькістами – поновити його в правах члена ЛКСМУ

За те, що не виконав постанови КСМ групи, яка зобов'язала його виступити на загально-університетських зборах та розоблачити свою бувшу належність в 1929 р. до троцькістської групи, винести тов. КОПЕЛЕВУ – догану.

СЕКРЕТАР ХАРКІВСЬКОГО
ОБЛАСНОГО КОМІТЕТУ ЛКСМУ

А. ТАТАРНИКОВ

(Там же. Л. 20)

Витяг

З наказу № 79-а від 16/II 35 р. по Харк. держ. університету
Студ. Копелев Л.З. курсу 3-го

Іст-факу

Виключити зі складу студ. ХДУ як троцькіста

Підстава: рапорт дек. Іст. фака.

19/V-35 р.

(Там же. Л. 21)

Звернення

Копія
НАРОДНОМУ КОМІСАРУ ОСВІТИ УСРР
тов. Затонському В. П.
Особисто
21-го травня 1935 р.

ШАНОВНИЙ ВОЛОДИМИР ПЕТРОВИЧ!

Нагадую Вам про мою розмову з Вам(и) відносно студента Харківського університету – комсомольця КОПЕЛЕВА.

16/II-35 р. наказом ректора Харківського університету було звільнено студента філософського факультету КОПЕЛЕВА, як виключеного факультетською організацією комсомола з лав ЛКСМУ за належність до троцкістів.

Я особисто знаю Л. КОПЕЛЕВА декілька років, ще коли йому було 16 років і він ще не був комсомольцем, група Харківських троцкістів і комсомольців обробляли його. Коли КОПЕЛЕВ розібрався, куди ведуть троцкісти, він рішуче відмежувався від них, вів з троцкістами активну боротьбу, вступив до лав комсомолу і всією своєю роботою на ХТЗ⁴⁰ доказав на ділі свою відданість партії та комсомолу. В університеті йому пригадали колишній його зв'язок з троцкістами і викинули з лав комсомолу. Бюро Харківського Обкому ЛКСМУ 29/III-35 р. відновило його членом комсомолу, але в прийому його до університету йому було відмовлено, хоч наказ ректора й відмінено.

КОПЕЛЕВ за моїми спостереженнями є дуже здібна людина. Виключення його з університету буде помилкою. В крайньому разі його можна перевести на інший факультет.

Прошу Вас особисто розібратись в цій справі і розв'язати її.
Додаток: Довідка за підписом ПАВЛОВСЬКОГО

Копія постанови Бюро Харківського Обкому ЛКСМУ

НАРОДНИЙ КОМІСАР
СОЦІАЛЬНОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ УСРР / І. СЛИНЬКО/

(Там же. Л. 22)

ДОВІДКА
УС.Р.Р.
НАРОДНИЙ КОМІСАРІАТ
ОСВІТИ

Копія з копії

Наказ ректора Харківського Держуніверситету від 16/II-35 в зв'язку з поновленням тов. КОПЕЛЕВА в комсомолі – відмінити.

Вважати тов. КОПЕЛЕВА вибувшим зі складу студентів Харківського університету. В поновленні на історичний – відмовити.

ЗАВ ВІДДІЛУ УНІВЕРСИТЕТІВ – ПАВЛОВСЬКИЙ

[Резолюція]: Виконати наказ НКО т. Павловського. Всі документи Копелева видати на руки останньому. [Підпис] 10/VI-35 р.

(Там же. Л. 23)

СПРАВКА

Дана КОПИЛЕВУ⁴¹ Л. З. в том, что он действительно учился в Харьковском Гос. Университете на философском отделении Исторического факультета с 1/IX – 1933 г. по 16/II – 35 г.

Согласно приказа по Харьковскому Госуниверситету за № 79-а, от 16/II – 35 г. он был исключен как троцкист, но Приказом Наркомпроса УССР от 5/V – 35 г. приказ ХГУ отменено, с формулировкой «Считать тов. КОПИЛЕВА выбувшим из состава студентов Харьковского Университета».

КОПИЛЕВ Л.З. за время пребывания в Университете сдал следующие дисциплины:

Политэкономия	Биологию (до дарвинизма)
Всеобщую историю	Истор. ВКПб (до 1914 г.)
Диамат	Латинский язык
Историю философии (до Гегеля)	Экономгеографию
Высшую математику	История СССР
Физику	Ист. тех-ки (до тех-ки кап. обществ)
Химию	

Секретарь Харьковского
госуниверситета

1.VI – 35 г.

(Там же. Л. 25)

Заявление

Декану философск.
факультета ХГУ
от Копелева

В справке, выданной мне дирекцией ХГУ о прослушанных мною на В/ факультете дисциплинах, не указаны оценки и количество часов. Очень прошу Вас в дополнение к справке выслать мне еще офиц. справку о моих оценках по диамату, общей истории, политэкономии и истории философии. Наск. я помню, во время учебы в ХГУ по этим дисциплинам я имел не ниже «отлично». Данная справка мне сейчас нужна при заполнении зачетной книжки (учусь в Московск. институте западн. языков).

Очень прошу удовлетворить мою просьбу.

Москва 15.XI. 35   Подпись

Москва 17

Кадашевский пер. д. 3, кв. 10.

P.S. Лучше всего если Вы вручите упомянут. выше справку т. Бердичевскому, который передаст Вам заявление.

(Там же. Л. 28–28 об.)

Справка

Успеваемость
Студ. истор-философ. ф-та
Копелева Л. З.
XII. 1935

1933 I курс

III к. I семестр

1. Немец. яз. – отлично
2. Полит. эконом. – хорошо
3. Истор. философ. – хорошо
4. Латинский яз. – удовл.
5. Математика – удовл.
6. Общ. история – отлично

1. Диамат – отлично
2. Немецк. яз. – отлично
3. Биология – хорошо
4. История ВКП (б) – отлично
5. Химия – хорошо
6. Истор. тех-ки – отлично

С подлинным верно: Зав. арх. ХГУ   Подпись

(Там же. Л. 29)

Комментарии

Воспоминания

¹ Восстановление университетов в УССР и других республиках предполагалось Постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. Выполняя это решение, СНК Украины своим постановлением «Про організацію на Україні державних університетів» возродил Харьковский университет в составе 8 факультетов, среди которых назывались исторический и философский. Однако реально свою деятельность университет начал в составе 7-ми факультетов. Считается, что философский факультет не смог начать свою работу из-за отсутствия преподавательских кадров. Тем не менее, в середине 1930-х годов часто говорили и писали в документах «философско-исторический»/«историко-философский» факультет или шла речь о «философском отделении исторического факультета».

² Здание на ул. Мироносицкой, 1. В 1929 г. улица была переименована в ул. Равенства и Братства, а перед войной стала называться ул. Дзержинского. Здание было построено в 1925 г. для Наркомата труда. После того, как в 1934 г. столицей стал г. Киев, на непродолжительное время оно было передано университету. В 1992 г. решением Высшего арбитражного суда было возвращено на баланс университета. После капитального ремонта в 1993 г. в этом здании разместились экономический и социологический факультеты.

³ Вероятно, речь идет об Иосифе Наумовиче Кравце – редакторе университетской газеты в 1934 – 1937 гг. (о нем см.: Каніщев Г. Ю. Редактори університетської газети // Найстаріша вузівська газета України (до 70-річчя багатотиражної газети Харківського державного університету). – Х., 1997).

⁴ В это время университетская газета называлась «За нові кадри».

⁵ «Университетская горка» - так называют ту часть города, где возник Харьковский университет (ул. Университетская).

⁶ Сведения о нем найти не удалось

⁷ Возможно, упомянут доц. В. И. Воробьев (умер во время оккупации зимой 1941–42 гг.).

⁸ Возможно, речь идет об Александре Васильевиче Сазонове (1897 – ?), который в период 1927–1933 гг. преподавал в Украинском институте красной профессуры, а затем в университете политэкономии и курс марксизма-ленинизма (с 1938 по 1942 гг. ректор).

⁹ Белецкий Александр Иванович (1884–1961) – литературовед, академик АН УССР. В 1907 г. окончил историко-филологический факультет, с 1912 г. приват-доцент Харьковского университета, преподавал в ХИНО и возрожденном университете.

¹⁰ Булаховский Леонид Арсеньевич (1888–1961) – лингвист, академик АН УССР, член-корреспондент АН СССР. В 1910 г. окончил историко-филологический факультет, с 1916 г. приват-доцент Харьковского университета, преподавал в ХИНО и возрожденном университете.

¹¹ Как докладывал на районной партийной конференции в январе 1934 г. ректор Я. С. Блудов, в результате проверки были уволены с работы 50 студентов и 20 преподавателей.

¹² Блудов Яков Семенович (1897–1984) – первый ректор возрожденного университета (1933–1934). Участник гражданской войны. В 1926 окончил Коммунистический университет имени Артема, в 1929 г. аспирантуру Украинского института марксизма-ленинизма. В 1929–1930 гг. ректор Харьковского института народного образования, а после его реорганизации – директор Харьковского физико-химико-математического института. В 1932 г. возглавлял Институт красной профессуры при Президиуме ВУЦИК. С 1930 г. профессор кафедры диалектического и исторического материализма Всеукраинской академии марксизма-ленинизма. В 1934 г. был осужден на 5 лет заключения, которые отбывал в ГУЛАГе в Архангельской обл., в 1939 г. был освобожден с лишением прав принимать участие в выборах и запретом проживания в крупных городах. Жил и работал в Купянске. В 1956 г. был реабилитирован, вернулся к преподавательской деятельности в университете – профессор кафедры философии.

¹³ Следующим ректором (1934–1937) стал Алексей Иванович Нефоросный (1897–1937) – участник революционного движения и гражданской войны, выпускник Харьковского института народного хозяйства, затем партийный работник. В январе 1937 он был исключен из партии и расстрелян в декабре 1937 г. Вряд ли он мог принести для печати статью отстраненного от руководства университета Я. С. Блудова. Наверное, это и был сам Я. С. Блудов. Т.е. автор воспоминаний, вероятно, в данном случае ошибается.

¹⁴ Когда в 1945 году Советская армия вошла в Восточную Пруссию, Копелев был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорён к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». В «шарашке» Марфино встретился с Александром Солженицыным, стал прототипом Рубина в его книге «В круге первом». Освобождён в 1954 г., реабилитирован в 1956 г.

¹⁵ Поляк Марк Самойлович (1905–1937) – педагог, политработник. В 1929 г. арестован, но вскоре освобожден. В 1935 г. снова арестован, приговорен к заключению. Как выяснил Е. Захаров, был расстрелян под Медвежьегорском вместе с Лесем Курбасом и другими деятелями украинской культуры.

¹⁶ Кубланов Борис Григорьевич (1905–1981). В 1930 г. токарь на ХПЗ, затем рабочий завода «Серп и молот». В 1931–1933 гг. учился в Харьковском механико-математическом институте, с 1933 по 1936 г. в Харьковском государственном университете. В 1936–1937 гг. помощник декана исторического факультета. С 1937 г. преподаватель, затем доцент кафедры диалектического материализма. Преподавал философию на историческом факультете, одновременно исполнял обязанности редактора университетской многотиражки «За більшовицькі кадри». В 1939 г. был направлен во Львовский университет. С 1963 по 1978 гг. – заведующий кафедрой философии Львовского университета.

¹⁷ Судя из опубликованной в данном сборнике академической справки, Л. З. Копелев действительно каким-то образом «перескочил» с 1-го на 3-й курс.

¹⁸ Надежда Колчинская – первая жена Л. З. Копелева.

¹⁹ Петр Грубник – рабочий ХПЗ (электросварщик), рабкор, затем, в связи с болезнью глаз, его перевели работать исключительно в редакцию газеты, руководил также заводским литкружком.

²⁰ Фрид Илья Соломонович (1900 – после 1938). Заведующий отделом редакции газеты «Харьковский паровозник». В 1929 находился под следствием и выслан за троцкистскую деятельность, в 1935 г. арестован, умер в лагере.

²¹ Как установил Е. Захаров, правильно – Рабижанович Давид Львович (1913 – ?). Работал в той же газете. Арестован, направлен в исправтрудлагерь, затем сослан в Красноярский край. В 1956 г. реабилитирован,

²² Раев Лев Борисович (1914 –?). Работал в той же газете. Арестован и сослан. В середине 1960-х проживал в г. Мирный Якутской АССР, тогда же реабилитирован и переехал в г. Ростов-на-Дону.

²³ Слынько Иван Федотович (1888 – 21.10.1937) – государственный и партийный деятель. Родился в семье крестьян с. Оржица (теперь Гребенковский район Полтавской обл.). С 1910 г. был учителем в высшей начальной школе в Оржице. В конце 1917 г. возглавил Оржицкую волосную управу. Позже работал в Полтавском губисполкоме. В 1923–1925 гг. председатель исполкома Подольской губернии, в 1930 г. – председатель

исполкома Николаевского округа. В 1934 г. был заместителем народного комиссара юстиции УССР. С 1934 г. по 14 марта 1936 г. нарком социального обеспечения УССР. Репрессирован.

²⁴ Затонский Владимир Петрович (1878–1938) – государственный и партийный деятель, академик АН УССР. В 1922–1924 и 1933–1938 гг. – нарком просвещения УССР. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

²⁵ Балицкий Всеволод Аполлонович (1892–1937) – нарком внутренних дел УССР в 1924–1931 гг., зам. пред. ОГПУ СССР в 1931–1934 гг., особоуполномоченный ОГПУ в Украине в 1932–1933 гг., полпред ОГПУ по УССР и пред. ГПУ УССР в 1933–1934 гг., нарком внутренних дел УССР в 1934–1937 гг. Расстрелян.

Документи

²⁶ Курсивом обозначено то, что вписано в бланк формуляра чернильной ручкой рукой Л. З. Копелева. Пропущенные пункты формуляра содержат прочерки.

²⁷ Первоначально написано «філософського», потом этими же чернилами сверху «історичного», затем снизу другими чернилами снова «філософського».

²⁸ Первоначально написано, а затем вычеркнуто «службовці та їх діти»

²⁹ Вписано другой рукой

³⁰ Первоначально написано «секретар редакції «Хар. Паров» Л. Танклевская», потом вычеркнуто теми же чернилами.

³¹ Так в тексте. При публикации сохранена орфография оригинала.

³² Вписано другими чернилами и другой рукой.

³³ Вероятно, этот протокол был включен в дело Л. З. Копелева на этапе рассмотрения его заявления о восстановлении в университете как доказательство его активной политической позиции, направленной против оппортунистов.

³⁴ Коряк Владимир Дмитриевич (настоящие имя и фамилия – Волько Давидович Блюмштейн) (1889–1937) – литературовед, доцент Харьковского университета. С 1917 член Украинской партии социалистов-революционеров, с 1919 УКП (боротьбистов), с 1920 КП(б)У В 1921–1924 работал в редакциях журнала «Шляхи мистецтва» и газеты «Вісті ВУЦВК». С 1925 по 1936 г. читал лекции по украинской литературе в ХИНО, потом ХГУ Принимал активное участие в организациях «пролетарських писателів». В 1937 г. был исключен из КП(б)У как «буржуазный националист», арестован и расстрелян.

³⁵ Парадиский Алексей (Олекса) Петрович (1891–1949) – филолог. Родился в г. Ананьев Херсонской губ. (теперь Одесская обл.) в семье дворянина Петра Васильевича Парадиского. Секретарь Финансовой комиссии в период гетьманства И. Скоропадского (1918). Профессор Харьковского института народного образования, затем Харьковского государственного университета. Кандидат филологических наук. Возглавлял кафедру истории украинской культуры. Изучал творчество Г. Сковороды, И. Котляревского, Т. Шевченко, И. Франко. Принимал участие в подготовке к изданию «Повного зібрання творів Т. Г. Шевченка» (в 5 томах, 1939). В 1941 г. остался в оккупированном Харькове. В 1943 г. эмигрировал с отступающими немецкими войсками, умер в ФРГ (г. Ашаффенбург).

³⁶ Наконечный Николай Федорович (1900–1981) – филолог, доцент Харьковского университета. В 1923 г. окончил Полтавский ИНО. Затем учился в аспирантуре ХИНО, изучал диалекты Полтавщины. С 1928 по 1971 гг. преподавал в Харьковском университете. Изучал проблемы фонетики, истории украинского языка.

³⁷ Розенберг Александр Григорьевич (1897–1965) – филолог, доцент Харьковского университета. В 1916 г. поступил в Киевский университет. С 1918 г. жил в Харькове. Изучал французскую литературу, творчество Стендаля, Бальзака, Гюго и др. Один из соавторов вышедшего в 1925 году в Харькове сборника пародий «Парнас дыбом». В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию (утверждена только в 1946 г.). Его докторская диссертация "Доктрина французского классицизма" осталась незащищенной. Подвергался обвинениям в период борьбы с космополитизмом.

³⁸ Чепига Даниил Иванович (? – 1943) – окончил исторический факультет Харьковского университета в 1934 г. Преподаватель, заместитель декана исторического факультета Харьковского университета. С 1941 г. на фронте. Принимал участие в боях под Сталинградом. За отвагу награжден орденом Красной Звезды. Погиб в августе 1943 г. во время боев на Курской дуге.

³⁹ Имеется в виду В. П. Затонский

⁴⁰ Так в документе.

⁴¹ Так в документе.

*(составитель,
автор предисловия и комментариев С.И. Посохов)*